

2207

Октябрь

СТРЕМЛЕНИЕ К СЧАСТЬЮ

Александр Борщаговский. «Была печаль». Повесть: «Октябрь», № 9, 1981. «След на асфальте». Рассказ. «Октябрь», № 6, 1982.

ПОВЕСТЬ Александра Борщаговского «Была печаль» и похожа, и не похожа на прежние его произведения. Автор остается верен своей манере повествования, тема, но границы ее заметно расширяются. Это уже не просто размышления о нравственной состоятельности личности в ее взаимоотношениях с окружающим миром, но о ее ответственности за себя, за других, за целый мир. Да и характеры обозначены резче, отчетливее, определеннее.

А. Борщаговскому всегда удавались психологические портреты героев. Вот и сейчас, рассказывая печальную историю любви Алексея Капустина и Саши Вязовкиной, автор тонко передает малейшие оттенки в настроении этих двух мечтателей. Раздражительность вдруг уступает место неожиданно нахлынувшей нежности, а нежность — отчаянию. Шаг за шагом, осторожно высвечивая ту или иную сторону в характере героев, писатель постепенно раскрывает трагедию людей, которые когда-то, не поняв друг друга, расстались, а теперь жестоко расплачиваются за это. Сцена последнего прощания Саши и Алексея — это расставание людей, которых знают,

что больше ничего не будет, потому что не должно быть. И сегодняшнее их чувство, кажется, сводящее их с ума, на самом деле лишь тоска по тому настоящему, что было между ними несколько лет назад. «У каждого есть жизнь, как она сложилась, и есть мечта», — говорит Катя, жена Алексея. Потому Саша и Алексей уже не обманываются; сегодня у них лишь печаль расставания с мечтой.

Тема несостоявшегося счастья, утраченной любви перерастает в мотив вины перед людьми и перед жизнью. Как параллель ей предстает история сторожа с плотины Воронка, человека одинокого, потерянного. Автор не сразу вводит этот образ в ткань повествования. Рассказ о Саши и Алексее постепенно уступает место судьбе Воронка, как бы на время уходя на задний план. Такая композиция, разумеется, была обусловлена замыслом автора. Дело в том, что последовавшая вскоре смерть Воронка как бы предугадывает, предопределяет и окончательное расставание Саши и Алексея. Там не задалась жизнь, здесь — любовь. Вопрос только — по какой причине? Нескладная, неудачливая жизнь Воронка как раз и призвана распутать сложные, затянувшиеся отношения двух влюбленных, выйти за рамки обозначенного круга проблем, расширить диапазон повествования.

Кто такой Воронка? Человек, духовно искалеченный жизнью, повидавший в мире больше плохого, чем хорошего. И хотя вина Воронка только кажется его виной (в войну он потерял жену и ребенка), виноватым во всем он считает именно себя.

Да, ему трудно жилось. Но страдал Воронка больше всего от того, что утратил стержень своего существования, не сумел перебороть себя, «приладился» к «легкой жизни». Это трагедия мечтателя слабовольного, не способного и на шаг приблизиться к своей мечте, «изменить собственное... существование». Он умирает, унося с собой эту горькую вину неосуществившейся личности перед великим даром жизни.

В этой точке и соприкасаются две поведенческие истории — о загубленной жизни и несостоявшемся личном счастье. Соприкасаются, чтобы заставить нас задуматься над ответственностью своих поступков перед собой и людьми.

Здесь бы можно было и поставить точку. Но А. Твардовский недаром говорил о том, что писатель обречен вечно разматывать из клубка жизни однуединственную свою нить. Рассказ А. Борщаговского «След на асфальте», опубликованный чуть больше полугода спустя в том же журнале, лишний раз подтверждает эту мысль. Его герой Володя, тоже, как и Воронка, инвалид войны, работает грузчиком на одной из крымских железнодорожных станций. Нет, Володя не пьет зло и беспощадно, как Воронка. Он работает там, где, как он считает, труд его необходим. Объединяет Воронка и Володю то, что обоим знакомо «обостренное до болезненности ощущение чужой боли и нужды», «острое чувство отдельности своего существования, счастливой неподчиненности...». Только если у Воронка это чувство так и осталось чувством в себе, то у Во-

лоди судьба сложилась более счастливо: его неподчиненность внешнему, привычному для всех порядку жизни (на станции его считают «чокнутым») преобразовалась в подчиненность поглотившему его чувству к случайно встреченной чужой, замужней женщине.

Любовь Володи к Валентине Николаевне чем-то напоминает печальную историю Желткова из рассказа А. Куприна «Гранатовый браслет». Только Валентина Николаевна сумела понять чувство Володи и тактично не унижая и не оскорбляя своего странного поклонника, каждый год встречающего ее с мужем в Крыму, поддержала в жизни искалеченного войной и обойденного судьбой человека.

Сегодня много печатается произведений о любви, о распадающейся семье и т. п. И часто интонация их ироническая, с некоторым социологически-исследовательским холодком. В противоположность этому А. Борщаговский в своих повестях и рассказах о любви — даже любви неразделенной или неосуществленной — по-хорошему «старомоден». Чувствам его героев сопереживаешь, этих людей хочешь поддержать, помочь в их стремлении к счастью — трудному, убегающему от них. Но не в этом ли и состоит призвание литературы — будить в людях чувства добрые и учить бороться за них.

Елена ГАЛАНОВА